

С приближением Нового года зима в городе оказалась гораздо мягче, чем в уезде. Снег не был слишком обильным, и улицы по-прежнему были полны жизни, что резко контрастировало с тишиной нашего маленького дворика.

Этот Новый год прошёл в необычной тишине — во дворе было всего трое: наставник, Сяо Ми и я. Но в этой тишине была своя прелесть.

Наставник говорил, что те, кто занимается даосскими искусствами, не придают значения формальностям, и Новый год не обязательно отмечать с большой пышностью. Однако в канун праздника он всё же приготовил для нас с Сяо Ми обильный ужин.

Самым радостным событием стало то, что старший брат, работавший в городе, из-за сильного снегопада не смог вернуться домой на праздники, и наставник специально пригласил его к нам.

Увидев брата, я едва сдержала слёзы. Но, пройдя через некоторые жизненные испытания, я стала менее уязвимой, и мои чувства теперь скрывались глубже.

Напротив, старший брат, увидев меня, не смог сдержать эмоций и покраснел. Весь ужин он только и делал, что смотрел на меня.

— Старший брат, как мама и второй брат?

Брат кивнул:

— Все хорошо, все хорошо! Теперь жизнь наладилась, не беспокойся о доме!

Внезапно он встал и опустился на колени перед наставником:

— Наставник Сунь, наша семья Чжуан никогда не сможет отплатить вам за вашу доброту!

Я была в замешательстве. Хотя наставник относился ко мне очень хорошо и спас меня и второго брата, поведение старшего брата всё же удивило меня.

Наставник положил палочки и поднял брата:

— Люцзы, встань, поговорим!

Но брат упорно оставался на коленях:

— Наставник Сунь, уже то, что вы взяли Сяо Цзинь в город, чтобы она увидела мир, — это

огромная милость для нашей семьи. Мы понимаем, что она родилась в непростых обстоятельствах, и мы не смогли бы дать ей должного ухода. Возможно, только рядом с вами она в безопасности.

Сказав это, он взял меня за руку:

— Сяо Цзинь, быстро встань на колени!

Не успев опомниться, я уже стояла на коленях рядом с братом.

— Последние два года в деревне был голод, урожай оказался хуже, чем в прошлые годы, и в городке не было работы. Хотя тебя не было дома, еды всё равно не хватало.

Конечно, можно было бы затянуть пояса и как-то продержаться, но мама заболела, и врачи в городской больнице не смогли определить, что с ней, лишь сказали, что ей нужно больше питательных веществ, отдыхать и не перетруждаться.

Эх, если бы не наставник, который послал нам деньги и организовал лечение мамы в городе, она бы, возможно, не выжила.

— Как мама? — вырвалось у меня, я не смогла сдержать тревоги.

— Всё в порядке, всё в порядке, спасибо наставнику! Мама выкарабкалась. Поэтому наша семья Чжуан никогда не сможет отплатить наставнику за его доброту!

Сказав это, брат поклонился несколько раз.

Наставник погладил меня по голове и улыбнулся:

— Люцзы, встань! Сяо Цзинь — моя ученица, и её дела — мои дела. Как я мог остаться в стороне, когда вы оказались в трудной ситуации?

Я и не подозревала, что наставник сделал для меня так много за моей спиной. В моём сердце были только благодарность и умиление. Я не знала, как выразить это словами, и потому долго оставалась на коленях перед наставником.

Этот мужчина сделал для меня так много. Он словно стал отцом, заполнив ту пустоту в моём сердце, которую оставил мой настоящий отец. И я никогда не смогу отплатить ему за это.

Этот Новый год, хоть и прошёл без матери и второго брата и не был таким шумным, как в прошлые годы, стал для меня самым запоминающимся.

В первый день Нового года наставник вручил мне и Сяо Ми большие красные конверты, а старший брат купил множество фейерверков и хлопушек. В деревне Цзянъю петарды запускали только на свадьбах и похоронах. И хотя последние два года мы отмечали Новый год в городе, дядя Чёрный Ястреб никогда не покупал нам фейерверков.

В этот день я впервые увидела их!

Мы резвились и играли в снегу во дворе, и это стало одним из самых ярких воспоминаний моего детства.

Снег для детей — это огромная игровая площадка. Сяо Ми смеялась, бросая в меня снежки и убегая. Я уворачивалась от её атак, не забывая отвечать. Старший брат стоял рядом и смеялся вместе с нами.

Я заметила, как в доме наставник сидел с прямой спиной, и на его лице была довольная улыбка. Мне хотелось, чтобы время остановилось в этот момент, чтобы я могла дольше смотреть на него.

В этот момент, несмотря на то что у нас были только снежинки для игр и здесь не было ярких огней и шума большого мира, для меня это было невероятно ценно. Это сделало моё последнее детство самым прекрасным сном.

На пятый день Нового года старший брат сел на автобус, чтобы вернуться домой.

Я неохотно шла за ним, а наставник, зная, что я скучаю по дому, матери и второму брату, пообещал мне, что, когда я освою даосские искусства, смогу вернуться домой.

Услышав это, я немного успокоилась. Я постоянно напоминала брату, чтобы он и второй брат хорошо заботились о матери, передали привет старосте деревни Вэй и сказали Толстяку Эру, что я по нему скучаю.

Я всегда думала, что я бесчувственная, но, оказывается, я всё же женщина. Мои напутствия заставили брата поспешно помахать мне рукой.

— Сяо Цзинь, будь умницей! Мы с мамой и Ганва будем ждать тебя дома. Ты же учишься у наставника, хорошо?

Я кивнула, и брат тут же помахал рукой:

— Ладно, возвращайся!

Расставание — это то, что я не люблю больше всего. Но, думая о том, что это расставание ради

следующей встречи, я глубоко вздохнула и сдержала слёзы.

Я изо всех сил улыбнулась и помахала брату, затем развернулась и пошла. Только выйдя из автобуса, я осмелилась украдкой оглянуться. Я видела, как брат вытирал глаза рукавом, и в моём сердце появилась новая тревога.

С возрастом понимаешь, что вернуть прошлое можно только во сне. Я тоже думала, что это так, и постоянно искала в снах воспоминания о детстве, пытаюсь вернуть те времена.

Но время продолжает идти своим чередом, шаг за шагом. Я думала, что это хорошее начало, но нынешняя жизнь для меня тиха, как стоячая вода, без единой волны.

Но в целом это всё же прекрасно. По крайней мере, по сравнению с прошлым, когда приходилось голодать.

Может быть, из-за обстоятельств, может быть, из-за опыта, за эти годы я почувствовала, что сильно повзрослела, многое поняла и осознала. Мой характер постепенно стал более замкнутым.

Помимо Сяо Ми, у меня не было других друзей.

Сяо Ми же, как говорится, «девушка в восемнадцать лет меняется», она становилась всё более изящной. Конечно, она иногда подшучивала надо мной. И хотя я знала её уловки, я притворялась, что попадаюсь на них. Ведь иногда лучше позволить ей думать, что она добилась своего, чем разоблачать её. Это, пожалуй, было нашим единственным развлечением.

Состояние ведуньи ухудшалось, и три года назад наставнику пришлось отправиться в столицу, Пекин.

Сяо Ми тоже хотела поехать, но, видимо, ведунья настояла, чтобы она осталась. Я не понимала, почему она приняла такое решение, возможно, она не хотела, чтобы Сяо Ми волновалась. Но мне казалось, что это несправедливо по отношению к Сяо Ми. И пока та женщина, запертая в подвале, жива, Сяо Ми никогда не сможет быть по-настоящему счастливой. Ведь это её родная мать, и даже без души она всё же связана с ней кровными узами.

Эх, притворяться счастливой легко, и с возрастом эта маска становится всё более реальной. Я думаю, Сяо Ми тоже тяжело. По крайней мере, последние годы ей было труднее, чем мне.

Я начала по-настоящему понимать слова наставника о том, что Сяо Ми — несчастная душа.

Раньше я думала, что это из-за того, что её родители с детства не были рядом, а ведунья была уже тяжело больна. Теперь я знаю, что несчастье Сяо Ми — это бремя, которое она несёт всю

жизнь: ненависть к родителям, ненависть ведуньи. И как только ненависть поселяется в сердце, счастье становится почти невозможным, пока она не найдёт тех, кто причинил вред её родителям.

К сожалению, за пять лет я так и не продвинулась в поисках информации о той таинственной организации. Никто не знает, где она находится и каковы её цели.

<http://bllate.org/book/15434/1372330>